

ЗАПИСКИ ВАГАНТА (Письмо из Питера)

Отношение между нашими духовными школами чем-то напоминает отношения средневековых университетов. В Париже знали, что где-то есть Оксфорд, в Оксфорде слышали об университете в Болонье, в последнем же смотрели на два первых, как на равных. Многие слушатели одного на определённом этапе своей учёбы перебирались в другую: говорят, тогда студенты странствовали. Но сама школа жила своей жизнью, отличной от жизни всех остальных. Они были как маленькие студенческие государства. Свои законы, свой распорядок, свои традиции...

В наш век глобальных процессов, всемирной стандартизации и унификации это кажется странным и даже в чём-то опасным. Один мой приятель, когда мы заговорили на схожую тему, с жаром объяснял: «Ну, посмотри, ведь так хорошо, когда высшие школы похожи друг на друга. Мы учимся по единой программе, получаем дипломы единого

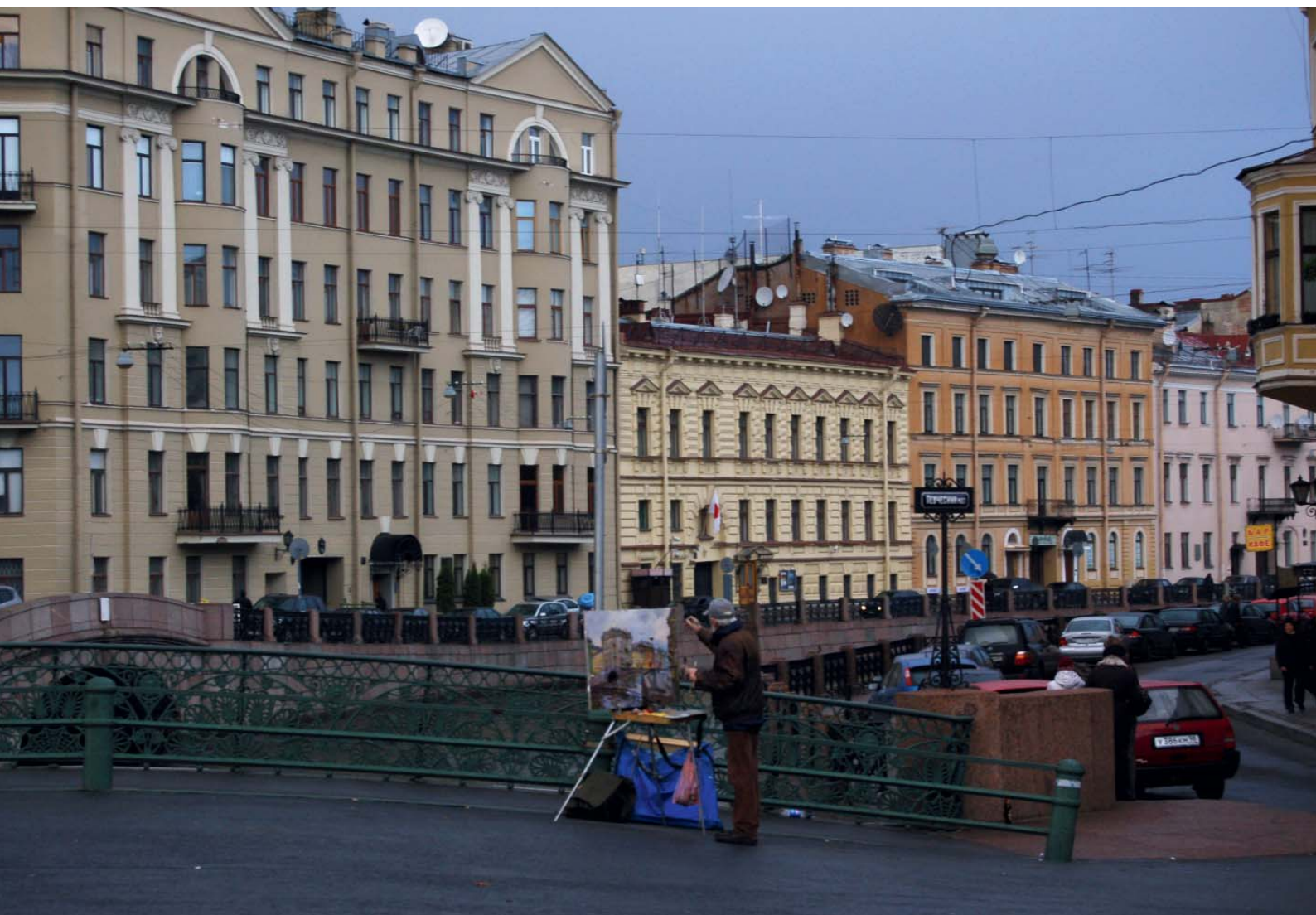

Здание Санкт-Петербургской духовной академии

образца, единая система трудоустройства... А скоро, только послушай, как замечательно, мы полностью сольёмся с европейской системой. И какой-нибудь одарённый мальчик или девочка из глубинки после окончания своего

провинциального вуза имеет формально все шансы поехать учиться в Европу. Ну, разве это не замечательно?..» Конечно, я во многом с ним согласен, детям из глубинки нужно давать шанс. Но ведь всегда есть и обратная сторона медали. Вопрос, который вертелся у меня тогда на языке, — а что же делать с душой школы? Ведь так она чахнет, съёживается и, наконец, совсем исходит. А само учреждение (по-другому его теперь и не назвать) превраща-

разия. Ведь носим же мы одинаковую форму, пытаемся разработать единую программу обучения. Однако то, что наряду с этими процессами наши школы до сих пор сохраняют свою неповторимость, свой уклад, — свою душу! — факт, не требующий доказательства. Самобытность эта так укоренена в них, что человек, отучившийся в Москве, будет ходить с раскрытым ртом, окажись он в Питерской или Киевской школе, настолько другим ему будет

ется в образовательный гипермаркет с сотнями стоек-касс, снующими здесь и там безликими служащими, запакованными в однообразную униформу, да полуживыми кассирами-продавцами с одинаковыми пластырями на указательном и большом пальцах.

Конечно, мы живем не в Средневековье, и наши академии и семинарии достаточно современны. Более того, мы даже не против однооб-

казаться то, что другим, на его взгляд, просто быть не может. И в этом смысле мы остаемся ещё — и слава Богу — в Средневековье.

Лавра и Академия

Раньше я редко задумывался, как нам повезло: у нас есть большой древний монастырь со множеством насельников, значительная часть кото-

рых — люди глубокой духовной жизни, а при этом монастыре есть знаменитая Академия. Я и подумать не мог, что можно учиться в духовной школе, но ощущать себя иначе. Но оказывается, очень даже можно. Не дерзаю рассуждать о духовном уровне братии питерской Лавры, но сказать пару слов о впечатлении, которое произвела на меня внутренняя атмосфера монастыря, думаю, вполне уместно. Один афонский монах, когда мы были на Святой Горе, спросил у нас: «А вы уже были в монастыре без монахов?» «Нет, — ответили мы, — а что, здесь есть и такие?» Тогда он, улыбаясь, ответил: «Ну да, мы так в шутку называем Зограф, когда бы туда ни пришел, ни одного человека не увидишь». Батюшка, конечно, по-доброму шутил, но образ засел в памяти очень прочно. И вот он-то первый и пришёл мне на ум, когда мы ходили по Александро-Невской Лавре в поисках Академии. Ни души! даже дорогу спросить не у кого. Ну и ко всему — размеры, конечно. В нашем понимании Лавра — что-то большое, монументальное, зело оживлённое. Здесь всё было не так. Тихо, но, я бы сказал, уютно тихо; немножко туманной сырости, и на фоне всего этого в центре монастыря безмолвно серели надгробия.

Издали мы думаем о Петербургских духовных школах и Александро-Невской Лавре, как о едином целом, но в настоящее время они практически не связаны друг с другом. Главный академический корпус находится от монастыря дальше, чем наш семинарский. Конечно, здесь речь идет скорее о территориальной разобщённости.

Само здание Петербургской Академии совмещает в себе функции административно-религиозно-учебно-коммунального центра: и ректорат, вместе с профессорской, и храм, и классы (академии, семинарии, регентской и, видимо, частично иконописной школы), и общежития (мужские и женские) находятся под одной большой кровлей. У такой планировки есть масса преимуществ. Благодаря тому, что всё сосредоточено в одном месте, можно очень легко и изящно перемещаясь по зданию, быстро оказаться там, где тебе необходимо. Нужна столовая — пожалуйста, нет необходимости выходить из семинарского корпуса за десять минут, чтобы успеть к началу завтрака. Нужен класс — он рядом, здесь же на этаже, ну и так далее.

Несмотря на все эти выгоды, сам интерьер здания меня не сильно впечатлил: в нём чувствуется какая-то перекошенность и непро-

порциональность форм (может, весна так влияет на архитектуру, весной всё сыреет, расползается), особенно это ощущалось в актовом зале, который словно сильно вытянули вверх, а стены накренили друг ко другу, как в Троицком соборе. К тому же, как я понял, у питерских студентов нет возможности выбрать, в какой храм пойти помолиться. У наших, конечно, тоже ее не всегда с избытком, но потенциально ты можешь быть как минимум в трёх местах на богослужении, не покидая Лавры, а на праздник (когда службы идут во всех лаврских храмах) и того больше, и сама эта мысль порой греет душу студента. Впрочем, нужно отдать должное нашим питерским братьям — ремонт в классах и в целом на учебных этажах намного лучше, чем у нас, а читальный зал библиотеки заставил меня не на шутку разволноваться. Я даже поймал себя на мысли, что завидую.

Конференция

Но обо всём по порядку. Как я здесь оказался. Всё довольно просто. На базе Санкт-Петербургской духовной академии была организована богословская конференция, куда направили и нас четверых, представлять Московские школы. Подобная конференция — одна из первых в своём роде. Прежде всего, и это важно, она была исключительно студенческой, и при этом её секции охватывали практически весь спектр научно-богословских дисциплин, начиная от догматического богословия, заканчивая церковной историей. Она, кстати, так и называлась: I студенческая научно-богословская конференция. Не припомню, чтобы что-то подобного рода проводилось у нас в Академии. Все наши аналогичные мероприятия или исключительно тематические, то есть посвящены какой-то одной проблеме (ну, например, «Библия и Предание Церкви»), или проводятся отдельно по кафедрам (богословской, исторической, библейской или практической). Да и студенты в них принимают участие не слишком часто, всё больше ученые со стороны. Здесь же среди выступающих я видел только студентов, причем студентов не одной Петербургской академии, но и ряда семинарий, а также светских вузов.

О том, удалась конференция или нет в целом, говорить не буду. Несмотря на то, что секции были разными, как и публика,

принимавшая в них участие, две вещи оставались неизменными: никто даже не задремал, и после последнего доклада возник вопрос: почему же так мало (хотя выступающих было предостаточно)? В общем, студенту дали высказаться — студент не замедлил и на все сто воспользовался такой возможностью. Как потом рассказал один мой знакомый из оргкомитета, в питерских школах было даже что-то вроде конкурса на доклады, так ребята хотели выступить. И ещё не все прошли! Эта атмосфера заинтересованности и того, что вот сейчас, прямо здесь происходит что-то, что было так давно нужно и чего все так долго и с нетерпением ждали, чувствовалась вокруг.

И ко всему этому поражал какой-то особый такт и уважение студента-слушателя к студенту-докладчику. Хоть и выступали все как один порядочные «ботаники», могу ручаться за то, что ни у кого из слушателей в мыслях не промелькнуло: «Э, брат ты мой, только прошу тебя, не надо умничать!»

Можно было бы еще много говорить об удачах технической организации конференции, — всё было на уровне. В пользу этого говорит хотя бы то, что в свободное после заседаний первого дня время нам организовали поездку по святым местам и достопримечательностям Питера, разбавив впечатления дня симфоническим оркестром, который выступал вечером в актовом зале. Лучше немного расскажу о том, что никого не может оставить равнодушным, особенно студента, — о столовой и еде. Думаю, если собрать залы питерской столовой вместе (их три, если считать регентский зал), то общая площадь будет равна площади одного нашего первого зала. Золотое же правило студенческой кухни гласит: «чем меньше нужно накормить, тем лучше можем мы сварить». Я специально спрашивал у местных, всегда ли их так кормят или администрация решила, что называется, пустить пыль в глаза приезжим. Удивительно, но говорят, что всегда.

Всего меню описывать не буду, отдельно скажу лишь о полднике. На полдник были замечательные булочки, которые, несмотря на мою увлечённость происходящим, на мгновение заставили меня буквально забыть о том, что творится вокруг и со всей силой увлекли в совершенно иной мир. Я снова оказался в первом классе своей начальной школы. Такие же булочки тогда продавали в местном школьном

буфете по три или пять копеек (точно не помню), вкус ни капли не изменился. Причем булочки не покупные, их делают местные повара здесь же в академической столовой. Интересное человек существо! Эти булочки произвели на меня впечатление больше, чем все конференции, экскурсии по городу и концерты.

«Да ты же в Питере!»

«Это же Питер!» — то, что я слышал от моих знакомых, студентов Петербургской Академии в ответ на мои возгласы и буквально круглые от удивления глаза. И правда, думаю, эта фраза — ключ к пониманию того, что происходит и чем живёт питерская школа. Может, то, что я скажу, покажется слишком смелым обобщением, но всё же рискну: как Московские школы — детище Лавры, так Питерские — города Петра Великого.

Было что-то дерзкое в поступке нашего государя. Основать город на болоте, мало того, сделать его столицей империи... Эту черту характера Петра унаследовал сам город, сами его жители. Питер всегда был и будет вызовом всему старорусскому укладу, всему московскому. Я не берусь давать этому какой-либо оценки. И то, что я называю дерзостью, отнюдь не порок. Это нечто, что ближе по смыслу к дерзновению, нежели к наглости, то, с чего начинается любое новаторство, без чего новое рискует остаться лишь банальной модернизацией старого. В этом смысле человек жалкой, бесцветной души никогда не будет дерзким. «Кто в двадцать не революционер, у того нет сердца, кто в сорок не консерватор, у того нет ума». Вот так и здесь. Пока мы молоды, эта дерзость — качество нашей природы. А Питеру, в отличие от «сорокалетней» Москвы, всего лишь «двадцать». И у него есть сильное молодое сердце.

Это касается и местных духовных школ. Наверное, поэтому из этих стен вышло так много дерзновенных людей, которые сказали громкое слово в новейшей церковной истории. Однако, признаюсь, мне, воспитаннику Московской семинарии, пропитанной духом старой Москвы, многое, вплоть до мелочей, было просто не понятно. Мы, лаврские, живем несколько в стороне от жизни в целом (подобно свт. Иоанну Златоустому во

время его учёбы), причём в стороне и от культурной жизни столицы. Наверное, поэтому я до сих пор не могу вместить то, какую дань этой самой культурной жизни платят питерские студенты. Причём, говоря о культурной жизни, я не обязательно имею в виду культурную жизнь в стиле литературных салонов и симфонических оркестров, но и в стиле современных субкультур. В связи с этим становится понятно, почему такие праздники как Новый год, белые ночи, Светлая седмица,

чему-то своё предпочтение. Не буду. Наверное, вместо этого лучше сказать так, что при всём видимом единообразии и стремлении к некоему общему стандарту мы были, есть и остаемся отличными друг от друга, как средневековые университеты. Это не должно несколько умалять нас в наших же глазах, ведь это признак самобытности, действительной жизни наших школ. Также это не должно подталкивать нас к слепому подражанию и заимствованию. Та почва, тот уклад, на которой выросли

видимо, в чём-то обязывают администрацию (состоящую в основном из выпускников того же Питера) идти навстречу студентам и закрывать глаза на нарушения привычного, рутинного, порой такого унылого для дерзновенного молодого человека распорядка дня.

Ты попросишь меня сделать какие-нибудь выводы из всего сказанного, сравнить, отдать

наши школы, сообщает им всё органически для них необходимое...

...Однако, если ты всё же настаиваешь, то лично для меня важным и значимым заимствованием из Питерской Академии были бы булочки...

Студент Московской духовной академии

